

Бояркина Н.В.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Эстетика К.Н. Леонтьева устойчиво подвергается критике по нескольким пунктам.

Первое, Леонтьев предпочитает внешнюю красоту внутренней; второе, Леонтьев любит всё сильное и красивое, ему чужда эстетика Ф. М. Достоевского; третье, Леонтьев ставит эстетику выше морали, и таким образом рождается «псевдоэтика»; и последнее, эстетизм Леонтьева носит пессимистическую окраску, в то время как «сам по себе предполагает любовное, всепрощающее, гармоническое уmonoстроение».

Все вышеперечисленные обвинения делаются исследователями на основе анализа философских и публицистических работ писателя, что, прежде всего, вызвано отсутствием периодизации творчества Константина Николаевича, жизнь и творчество которого аналитики продолжают делить на два противостоящих друг другу отрезка, два разнонаправленных вектора (эстетизм - православие). Проза К. Н. Леонтьева продолжает оставаться периферией творческого наследия мыслителя. Между тем, говоря об эстетической доктрине, мы должны учитывать тот факт, что эстетика, ставшая ядром философии Леонтьева, создавалась писателем, а следовательно, выясняется именно на основе художественного творчества мыслителя.

Кроме того, при анализе леонтьевских текстов исследователями не учитывались частотность употребления понятий «красота» и «поэзия», их неполная взаимозаменяемость, а также внутренняя противоречивость триады «сила – красота – борьба». Односторонне трактовался аналитиками и знаменитый леонтьевский чертёж «мистика – этика, политика – биология – физика, эстетика».

Анализ художественных произведений писателя вносит серьезные коррективы в ставшую традиционной трактовку эстетической доктрины К. Н. Леонтьева.

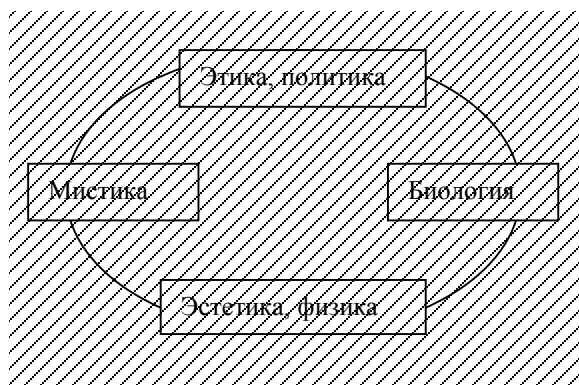
Леонтьевский эстетизм – «один из многих в Европе конца XIX века», да и не только в Европе. Эстетические искания лежали в основе русского модернизма и его течений. Отсюда внимание к форме и культ Аполлона, например. Однако в вопросе о красоте внешней и внутренней Леонтьев, пожалуй, ближе всего к И. А. Бунину. Не случайно исследователи усматривают близость поэзии «Подлипок», их созвучие с «Суходолом» и «Антоновскими яблоками». Бунин, как и Леонтьев, придает большое внимание внешней красоте, основная тема большинства бунинских произведений – воспевание прелести материального мира, упоение материальным началом мира. Однако «прелесть» (часто употребляемое, любимое слово писателя) у Бунина – нравственно-эстетическая категория. И Бунин и Леонтьев воспринимают внешнее как выражение внутреннего. Н. Мальчевский видит именно в этом отличие и главное преимущество Леонтьева, противопоставляя его в этом отношении Вл. Соловьёву и Л. Н. Толстому: внимание к фактам Леонтьева и Бунина «было мыслящим вниманием, то есть вниманием, обращенным на суть происходящего, но при этом они сознавали главное – дивную и страшную тайну бытия, тайну свершения, воплощения, реализации «идей», и человеческих, и божественных». Пейзаж, портрет, деталь у Бунина очень конкретны, в ряде произведений он сознательно уходит от описания внутреннего мира своих героев (наиболее наглядно это иллюстрирует произведение «Чистый понедельник»), чтобы показать душевное через материальное, ибо только через материальное внутреннее проявляется и заявляет о себе. Такое восприятие взаимоотношений внешнего и внутреннего, без сомнения, восходит к древнегреческому понятию «калокагатия» – «неразрывное единство прекрасного внешнего облика человека и его хорошей внутренней сущности». Отсюда категоричное заявление одного из бунинских героев о том, что он не понимает красоты падших созданий.

В вопросе о внешней и внутренней красоте Леонтьев, как и во всём, выказывает удивительную чуткость, за внешним улавливая проявления внутренней сущности. Писатель воспринимает эстетическое только в синтезе с этическим. Согласно эстетической доктрине философа, высшая эстетика не только предполагает нравственность, но нуждается в ней. Взаимозависимость эстетики и этики в философии Леонтьева исчерпывающе иллюстрируется фразой Ж. Ж. Руссо: «развращение нравов испортило чистоту нашего вкуса».

Анализ художественных произведений писателя показывает, что «красота» имеет особый смысл в леонтьевской эстетике, именно поэтому он ни разу не употребляет слово «красота» или эпитет «красивый» (оно появляется лишь единожды в романе «Египетский голубь» и характеризует духовную «пустоту»). В романах они заменяются определениями: «изящный», «поэтический», «драматический», «музыкальный». Это даёт возможность Леонтьеву разделить прекрасное на три рода – красота пластическая; красота драматическая, или действия; красота чувств, или музыкальная. Понятие «красота», таким образом, оказывается связанным исключительно с внешней, пластической красотой и не выражает того внутреннего содержания, которое вкладывает в предмет или понятие Леонтьев; оно оказывается как бы статичным. Динамику же превращений, преобразований духа и плоти выражает понятие «поэзия». Таким образом, «красота» как ведущая категория леонтьевской эстетики должна быть заменена понятием «поэзия», восходящим к древнегреческому термину «калокагатия». «Поэзия» становится воплощением всех трёх родов прекрасного и является в эстетике Леонтьева нравственно-эстетической категорией.

На основании вышесказанного должен быть отвергнут тезис о том, что Леонтьев ставит эстетику выше этики. Знаменитый леонтьевский чертёж, на основании указаний самого философа, должен быть преобразован из «лесенки» в своеобразный «круговорот»:

Мистика	Критерий <i>только для единоверцев</i>
Этика и политика	Только для человечества
Биология	Для всего органического мира
Физика и эстетика	Для <i>всего</i>

Каждая последующая ступень данного круговорота не только не отрицает предыдущей, но предполагает её. Леонтьев указывает на гибельность утраты любой из ступеней, ни одна из которых не может быть устранена без ущерба для полноты. Так, в жизни христиан Востока отсутствуют мистика и эстетика и, как следствие, они лишены и подлинной нравственности. Развитие всех ступеней иерархии «мистика – этика – эстетика» характеризует второй этап развития культурно-исторического типа. Культура и, следовательно, характер могут считаться развитыми, когда в них соединяются мистика, этика и эстетика. Все эти начала находятся в гармонии в русском национальном характере. Причём, эстетика вступает в свои права на завершающей стадии развития культурно-исторического типа, олицетворением которого в романе «Подлипки» является лейтмотивный образ Онегина. В Онегине европейская культура уже не подавляет «русский хаос», но лишь добавляет последние штрихи к великому зданию, стоящему на прочном фундаменте мистики и этики.

Эстетический принцип, символом которого в романе «Подлипки» является Онегин, оказывается ведущим, потому что замешен на мистике и этике, вырастает из них и без них не имеет никакой цены. В основу данного триединства положены автобиографические мотивы. В жизни самого писателя удивительным и вместе с тем таким естественным образом соединились в неразделимое целое поэзия родной природы и поэзия Православия, из синтеза которых рождается нравственность и в целом ментальность русского народа. Эстетизм мог бы завести Леонтьева куда угодно, если бы не зиждился на идее нерасторжимого единства физического, душевного и духовного в человеке (мистика, этика, эстетика) и не произрастал на русских «корнях».

Соответственно, замена понятия «красота» понятием «поэзия» снимает внутреннюю противоречивость триады, составленную ведущими категориями леонтьевской эстетики «сила - красота – борьба», которая как бы распадается на две противостоящие друг другу части. «Сила» и «красота» восходят к олимпийской эстетике и ассоциируются в сознании с физической силой и внешней красотой. В то же время олимпийская эстетика не предполагала никакой внутренней борьбы. А Леонтьев имеет в виду именно этот вид борьбы – «сердечную» или «духовную» борьбу. «Поэзия» же не только предполагает «психичность» (как её называет Леонтьев), но именно в тонкой духовной борьбе и заключается истинная «поэзия жизни». Именно вследствие отсутствия в греках и римлянах внутренней «психичности», язычники не привлекают Леонтьева, ибо только *внутренняя* борьба характеризует психическую жизнь человека. Таким образом, преобразование триады «сила – красота – борьба» в триаду «сила – поэзия – борьба» показывает, что уже в этой триаде заключено принятие Леонтьевым эстетики Достоевского, романы которого изобилуют «психичностью» и совершенно уводит нас из плоскости эллинской эстетики. В то же время язычество в эстетике Леонтьева, теряя прежнее содержание, наполняется новым, может быть, не до конца, «до дна» философски осмысленное самим писателем.

Однако не только «психичность» меняет традиционное представление о враждебном отношении Леонтьева к эстетике Достоевского. Анализ романов Константина Николаевича показывает, насколько глубоки и неразрывны связи обоих мыслителей. Если мы говорим о проблеме русского национального характера в прозе Леонтьева, о том, что он называет «прелесть и пестрота нравов», мы вряд ли подберём лучшую характеристику для его героев, чем «крепко стоящие на корнях» по аналогии с определением Достоевского «с корней соскочили». Если мы станем анализировать лирические отступления романа «Египетский голубь» и выраженные в них восторженность героя, его благоговение перед «страшной и отрадной» нитью бытия, где «он, именно он, а никто другой, живёт, дышит, ест, будет любить и будет любим»; где «для него, для него одного» и этот восхитительный изгиб берега, и три листочка на кусте ежевики, и прекрасная заря разгорается для его исполненного радости сердца, то это нас сразу возвращает к Достоев-

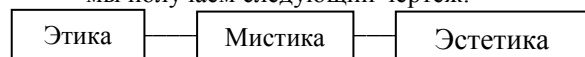
скому, его несчастному герою Ипполиту, который не мог и не хотел смириться с тем, что всё живёт и радуется, а ему, именно ему, суждено умереть. Адресует нас к Достоевскому прежде всего проблема трагедии греха. И если Достоевский изобразил раздвоенных героев - Свидригайлов, Ставрогин, Верховенский, Смердяков, Иван Карамазов, то Леонтьев попытался восстановить утраченное единство. Если герои Достоевского не имеют под собой почвы, то Леонтьев возвращает её русскому человеку, возвращая ему и Бога (сравните высказывание Достоевского: «кто почвы под ногой не имеет, то и Бога не имеет»). Если мы затронем проблему ориентировки героя в окружающем мире с помощью реалий русской национальной ментальности, национальных архетипов, то и здесь лучшей параллели, чем с творчеством Достоевского (ситуация с Хромоножкой и Иваном-Царевичем), не найти.

Леонтьев живёт в контексте Достоевского. Но и Достоевский становится до конца понятным только в контексте творчества Леонтьева. Многие исследователи творческого наследия Достоевского обращали внимание на то, что роман «Идиот» стоит несколько особняком в ряду его произведений. Совершенно неожиданно появляется в романе идея безблагодатности западной церкви. Самого Леонтьева удивляет, например, каким образом Достоевский выводит идею о необходимости дворянства России. Неожиданна и мысль Федора Михайловича о том, что «всё размягчилось, всё упрело и все упрели». Но ведь это лейтмотивная, доминирующая мысль всего творчества К. Н. Леонтьева! Исчерпывающее объяснение в философии Леонтьева находит и мысль Достоевского о том, что «слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного».

Не противоречит эстетике униженных и оскорблённых и «аристократизм» Леонтьева, исповедальность которого превращает его из пророка и агитатора в одного из тех кающихся и погибающих, которые и составляют вместе с униженными и оскорблёнными святую Церковь.

Более того, эстетика Достоевского и эстетика Леонтьева смыкаются в ключевом и самом сложном пункте – в определении красоты. Положение о красоте является общим для всех поздних славянофилов: у Достоевского оно только констатируется (красота спасёт мир), у Данилевского находит своё развитие и, наконец, своё завершение – у Леонтьева. Закнув лесенку К. Н. Леонтьева:

мы получаем следующий чертёж:

Где мистика – это Бог, а этика и эстетика – свойства Бога, сливающиеся в Боге и только вместе составляющие целое. Поэтому в идеале высшая красота и есть высшая нравственность; поэтому «поэзия» в эстетике Леонтьева – нравственно-эстетическая категория.

Ну и наконец, остаётся последний вопрос - о «пессимистическом эстетизме».

Все рассуждения об эстетике волей-неволей восходят к Древней Греции – одноосновному культурно-историческому типу, развившему исключительно эстетическое начало, исходившее из его духовной природы и особенностей внешних условий. Древнегреческая же эстетика ассоциируется исключительно со светлым жизнерадостным мирозерцанием. И так бы и оставался Леонтьеву «эстетическим изувером», если бы чуткие исследователи не расслышали в «нижнем слое» греческой религиозности «крика отчаяния и скорби», это «тёмное, иррациональное, но вместе с тем глубокоживучее наследие далёкой старины, не отмиравшее и в эпоху расцвета греческой культуры».

Автор статьи «Пессимизм и мистика в Древней Греции» Арсеньев прослеживает эволюцию пессимистических воззрений древних греков, которые от олимпийского натурализма через мистерии и таинства приходят к вере в «сверхмирного, победившего слепую силу Рока, бывания и тления, утвердившего на место неизменного природного процесса умирания и возрождений царство вечной полноты жизни – абсолютного Бога».

Итак, перед нами эволюция религиозных воззрений греков, которые естественным путём от веры олимпийцев приходят к Православию, и именно благодаря метаморфозам пессимистического начала, сначала стихийного, а затем всё более и более осмысленного. Вот эта эволюция. Попробуем сравнить её с «изуверским», «противоестественным» и «противоречивым», развитием К.Н. Леонтьева.

I.

Античное мирозерцание Елевсинские мистерии

Вера в великую торжественную жизнь Целого; на неё всецело устремлён взор; что за гробом, её мало интересует; «страх смерти - величайший из всех страхов».

Леонтьев периода Крымской войны

«Венец самолюбия довольно строгого, который я сам возлагал на себя, когда находил себя этого достойным, был мне дороже *рая, о котором я (несчастный!) и не умел тогда думать*, и внутреннее самоуничтожение или заслуженная злая насмешка людей были мне страшнее гнева Господнего... (9, с.397).

II.

Культ Диониса

Хочется жить животной, и инстинктивно, и радостно. Но напрасно! Ибо эта стихийная, – казалось бы, столь победная, столь буйная в своём неукротимом торжестве – жизнь на каждом шагу своим оказывается достоянием смерти, подобно самому юному Богу!» (15, с.594).

Подобные мотивы обнаруживаются уже в «Подлипках» (герой взрослеет) и «Египетском голубе» – старший Владимир Ладнев ощущает скоротечность и изменчивость своего прошлого бытия.

III.

Орфические таинства

...«человек должен вернуться к своему первоисточнику через преодоление чувственной природы, через воздержание от зла, невкушение от порока. Это путь аскетизма и постоянного сакрального и нравственного очищения, идеалом является чистота и святость» (15, с.589).

От 1869 до пострижения, время духовного перелома

IV.

Абсолютный Бог

Пострижение

То, что могло казаться «изуверством», в свете вышеизложенного предстаёт естественным и закономерным. История показывает, что и эстетизм бывает «благодатным», даже если для достижения благодати Творцу приходится создавать «изуверские» сочетания.

Итак, на основе художественных произведений писателя выясняется эстетика К. Н. Леонтьева и выясняется само мироощущение писателя, в котором не было ни противоречий, ни изуверств. Эстетизм Леонтьева, как показывает анализ одного из первых романов писателя, изначально зиждился на идее неразрывного единства физического, духовного и душевного в человеке (эстетика, этика, мистика). Следует учитывать и тот факт, что в Леонтьеве в период духовного преображения заговорили именно русские корни. И если до сих пор «нерусский эстетизм» мешал Леонтьеву войти в русскую литературу, то только оттого, что вне поля зрения исследования оказалась проблема русского национального характера - одна из центральных проблем художественного творчества писателя.

Уточнение эстетической доктрины К. Н. Леонтьева невозможно без анализа поэтического строя романов писателя, художественная манера которого высоко оценивалась даже самыми суровыми его критиками.

Среди композиционных средств в поэтике романов Леонтьева особое значение имеют эпитет, пейзаж, портрет, повтор, антитеза, лирические отступления.

Портрет у Леонтьева сверхлаконичный. Автор останавливается только на двух деталях портрета – глазах и улыбке. Таким образом, эпитет и портрет уточняют понятие «поэзия» как нравственно-эстетическую категорию, где ведущая роль отводится не внешней красоте, но неисповедимой внутренней сущности предмета, человека, явления.

Для указания на неуловимое внутреннее содержание служит повтор. Леонтьев часто использует это средство для наращивания, углубления смысла. Автор останавливает внимание на картине, как наделённой особым смыслом и значением, но передать эти смысл и значение невозможно. Недаром писатель так часто заставляет своих героев признаваться в том, что они могут описать виденное ими, могут даже вспомнить некоторые слова, но передать, что они чувствовали, – они не в силах.

Важное композиционное средство, занимающее значительное место в романах Леонтьева, – пейзаж. Пейзаж в поэтике писателя – многофункциональное средство: он выполняет воспитательную, формирующую

щую характер функцию – из уникального единства мистики Церкви и родной природы рождается нравственность русского человека; вторая функция пейзажа – умиротворяющая, функция наставления на праведный путь («луг был так зелен и свеж, что я помирился с ним (Модестом), всё молча взывало ко мне: зачем ты покинул нас ради тщеславных забав...»), третья функция – олицетворённая (ветер гонится за мной, пни и коряги – огромные чудовища, тополь зашумел, как живой и смолк). Более того, пейзаж может быть символичным. Автор выделяет отдельную деталь пейзажа, делая её символом происходящего. Символичны у Леонтьева такие детали пейзажа, как персик, дымок, глубокие снега.

Для леонтьевской поэтики характерен такой приём, как антитеза (глубокие снега, зимние узоры и тёплое жилище, дымок труда, огонь печей; фиалки в расселинах и букет искусственных надушенных фиалок; годы тщеславного самораствления и раскаяние, разочарование).

Наиболее интересны у Леонтьева лирические отступления, написанные ритмизованной прозой. По красоте и выразительности они могут соперничать с лучшими стихотворениями в прозе И. С. Тургенева. В романах писателя они как бы аккумулируют в себе смысл и пафос всего произведения.

Особенно стоит отметить, что большинство произведений К.Н. Леонтьева написаны в форме воспоминаний. Это даёт возможность говорить о своего рода «смятенной» композиции, когда экспозиция занимает основное место в повествовании, завязка и развязка «рассеяны» в тексте, причём, исходный и конечный пункты развития характера героя представляют разительный контраст. История развития характера как бы обрывается, и читателю приходится только предполагать этот удивительный ряд «тонких и тайных» микроощущений, которые предстоит пережить герою.

Таким образом, для уточнения эстетической доктрины Леонтьева, ставшей основой мировоззрения философа, необходимо обращение, прежде всего, к его прозаическим произведениям. И потому изучение прозы писателя должно стать приоритетным направлением в леонтьеведении.

Литература

1. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. - М.: Республика, 1996
2. Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Литературное наследство. - М, 1935. - Т. 22-24. - С. 433-496
3. Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Фёдоровне// Константин Леонтьев, наш современник. - СПб, 1993. - Ч.III. - С. 218-227
4. Леонтьев К. Н. Египетский голубь. - М, 1991
5. Арсеньев Н. Пессимизм и мистика в Древней Греции // Путь. - М.: Информ-пресс, 1992. - Кн. 1. - № 4. - С.450-461; - № 5. - С. 569-603
6. Буданова Н. Ф. Достоевский и Константин Леонтьев// Достоевский: материалы и исследования. - Л, 1991. - Вып. 9. - С.199-222
7. Вышеславцев Б. Значение сердца в религии// Путь. - М.: Информ-пресс, 1992. - Кн. 1. - С.65-79
8. Достоевский Ф. М. Идиот. - М, 1980. - 624 с.
9. Избранные письма // Константин Леонтьев, наш современник. - СПб, 1993. - С.227-321
10. Коноплянцев А. Леонтьев К. Н.// Русский биографический словарь. - СПб, 1914. - Т. 10. - С.229-246. - Библиогр.: - С.246-249
11. Корольков А. А. Пророчества К. Н. Леонтьева. - СПб.: СпбГУ, 1991. - 197 с.
12. Котельников В. Парадокс о писателе// Константин Леонтьев. Египетский голубь. - М, 1991. - С.3-18
13. Котельников В. Оптина пустынь и русская литература// Русская литература. - 1989. - № 4. - С. 3-28
14. Мальгин А. В. Константин Леонтьев и Крым// Брега Тавриды. - 1991. - № 1. - С. 68-69.
15. Сергеев С. Стальной панцирь. Феномен Константина Леонтьева. К 170-летию со дня рождения// Независимая газета. - 2001. - 25 января. - С.16
16. Тихомиров Л. А. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев/ Публ. и коммент. Е. Иванова// Лит. учёба. - 1992. - № 1/3. - С.152-159
17. Тихомиров Л. А. Тени прошлого: К. Н. Леонтьев: [Гл.из мемуаров]/ Публ. и коммент. Е. Иванова// Лит. учёба. - 1992. - № 1/3. - С.140-151
18. Фудель И. И. Культурный идеал К. Н. Леонтьева/ Публ. и коммент. Е. Иванова// Лит. учёба. - 1992. - № 1/3. - С.159-171